

УДК 811.161.1'367.625:159.942.3

DOI: <https://doi.org/10.18524/2413-0613.2018.22.145395>

Милена Кипер,

аспирантка Института русской филологии Жешувского университета,

Ал. В. Кописто 26, 35-315, г. Жешув, Польша,

тел.: (+48) 723-329-009,

milenakiper@wp.pl

ГЛАГОЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СТРАХА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

В статье проводится анализ предложений, описывающих и выражающих эмоцию страха на русском языке. Рассматривается глагольная модель предложений с лексемами *бояться*, *опасаться*, *паниковать*, *пугаться*, *ужасаться*. Материал отобран из русской художественной литературы. Мы сравниваем языковые конструкции, которые употребляются в произведениях художественной литературы (Л. Улицкая „Казус Кукоцкого”), в том числе популярной массовой литературы (П. Дашкова „Кровь нерожденных”).

Ключевые слова: художественная литература, эмоции, страх, глагол, русский язык.

Страх является одной из основных эмоций индивида. По мнению американского психолога К. Изарда, „страх складывается из определенных и вполне специфичных физиологических изменений, экспрессивного поведения и специфического переживания, проистекающего из ожидания угрозы или опасности” [7, с. 293]. В толковом словаре русского языка дается следующая дефиниция лексемы „*страх*: состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью, бедой и т.п.; *боязнь*” (БТС). Нужно отметить, что мнения психологов расходятся, и нет единой четкой классификации, определяющей виды страха [8, с. 163–168].

Синонимами слова *страх* являются *боязнь*, *испуг*, *ужас*, *паника* [1, с. 1109], а также *ирон. перепуг* и *спец. фобия* [1, с. 1112]. Данные названия отличаются следующими признаками: 1) чувство – состояние (например, *испуг* и *боязнь* – чувства, *паника* – состояние); 2) субъект (*страх* может испытывать любое живое существо, а *боязнь* и *ужас* только человек); 3) причина (*страх* может вызвать как прямая опасность, так и потенциальная угроза; *испуг* есть реакцией на внезапное ощущение опасности, вызванное чем-то несерьезным, но неожиданным и определенным; *ужас* возникает при столкновении с чем-либо чудовищным или предполагает что-либо гигантское); 4) роль анализа ситуации в возникновении чувства (*страх* появляется спонтанно, но также вследствие анализа ситуации; *испуг* исключает анализ); 5) степень контроля (*страх* можно сдерживать, подавлять; *испуг* и *ужас* трудно контролировать; *паника* не поддается контролю); 6) интенсивность, глубина и длительность (*страх* может быть любой интенсивности, глубины и длительности; *испуг*

кратковременный; *ужас* отличается максимальной интенсивностью и глубиной, но не длительностью); 7) проявление (*боязнь* проявляется как осторожность в действиях; *паника* выражается в движении, бегстве) [см.: 1, с. 1109]. Переживание страха может также называться глаголами *бояться, оробеть, стусеваться, опасаться, остерегаться, страшиться, устрашиться, испугаться, трусить, дрейфить, дрожать, трепетать, трястись, оторопеть, паниковать* и др., которые передают разные оттенки данной эмоции.

В работах И. А. Волостных, Н. А. Красавского, Т. И. Перовской, М. Борек проанализированы разные лингвистические аспекты, связанные с рассматриваемым нами феноменом, в частности, семантический [12; 19, с. 173–185], лингвокультурологический [3], этимологический [9]; изучаются фразеологизмы, отражающие проявление страха [15], исследуется метафорическое выражение этого состояния [17, с. 148–176].

В нашем исследовании анализу подверглись тексты с часто используемыми глагольными показателями чувства страха: *(по)бояться, (ис)пугаться, ужасаться, (за)паниковать, опасаться*. Фактический материал (82 примера) отобран из двух произведений современной русской литературы: детектива П. Дашковой „Кровь нерожденных”, относящегося к популярной массовой литературе, и романа Л. Улицкой „Казус Кукоцкого”, определяемого как „высокая” литература [см.: 10, с. 1, 13].

Отметим, что при этом мы не разграничиваем понятий *эмоция, чувство* и *состояние*, как это делают в своих работах психологи. В исследуемом нами материале эмоцию страха в большинстве случаев (38) называет лексема „*бояться* 1. *кого-чего*. Испытывать боязнь (о человеке или животном’); 2. *за кого-что, с инф. или придат. дополнит*. Беспокоиться, тревожиться, опасаясь чего-л. ” (БТС). Форма первого лица единственного числа настоящего времени этого глагола, когда говорящий непосредственно выражает свой страх, употребляется редко – в 10 примерах, ср.: (1) „ – Это она вам сказала поставить мне капельницу? – спросила Лида, когда они вернулись в палату. Валя кивнула. – Очень вас прошу, не надо. **Я боюсь**. Я не верю ей. Она сказала, что там?” (Д); (2) „<...> Обычно я спокойно захожу, а сейчас **боюсь** что-то. А вы кто ему будете?” (Д) Вышеприведенные примеры содержат каузатор, называемый самим говорящим. В примере (2) причина страха указывается в том же предложении, что и сама эмоция, а в (1) – в предыдущей реплике. За приведенными субъектом причинами, вызывающими страх, скрываются и другие: боязнь что ему поставят капельницу и здоровье ухудшится. В примере (2) говорящий не в состоянии определить настоящую причину возникшего у него чувства: *Обычно <...>, а сейчас боюсь что-то*. В репликах выявляется „имплицитный” каузатор, что требует от адресата учета широкого контекста [18; 2, с. 251–275]. Г. А. Золотова каузатором называет „компонент со значением воздействующего фактора (предмета или явления)” [6, с. 431].

Во фрагменте (3) „ – Открой глаза, – попросила Таня. – **Боюсь**, – улыбнулся он, но глаза открыл. – Ну и как? – Таня приподнялась и слегка отстранилась.

– Отлично, – успокоил он ее, а может, и себя. – Все было отлично, только я совершенно твоего лица не запомнил. У меня, знаешь, однажды на этом месте такая травма была. Проснулся, а рядом...” (У) каузатора сначала называет собеседник, а потом уже говорящий. Нужно отметить, что Таня определяет „поверхностную” причину страха („– *Открой глаза*”), а настоящий источник испытываемой эмоции определяет именно сам субъект (“– *У меня, знаешь, однажды на этом месте такая травма была. Проснулся, а рядом...*”): мужчина не знает, кого увидит рядом, он боится разочарования. Здесь в авторской речи появляется информация о невербальном выражении эмоций – личная форма глагола *улыбнуться*, т.е. кроме чувства страха возникают и положительные эмоции – удовольствие. Это может свидетельствовать о том, что в данном случае субъект речи не испытывает страха, а скорее всего опасение (“1. Предчувствие опасности, чувство тревоги, беспокойства в ожидании какой-л. беды, неприятности и т.п.; 2. *за кого-что, с инф. или придат. дополнит.* Беспокоиться, тревожиться, опасаясь чего-л.”) (БТС) или беспокойство (“1. Беспокойное состояние; тревога, волнение”) (БТС). Степень интенсивности эмоции иногда подсказывает каузатор – страх, возникающий у ребенка, когда умирает его мать (4) ” – У меня мамка помирает. Домой **боюсь** идти...” (У); (5) „ – Знаешь, Эва, – говорил Алексей Гаврилович жене, – **боюсь**, не станет Павлик врачом, голова у него больно хороша... Ему бы в науку...” (У), не может сравниться со страхом, испытываемым отцом, который переживает, что его сын не станет врачом.

Для выражения эмоций используется форма первого лица единственного числа настоящего времени; предложения, сообщающие о чувствах, грамматически передаются либо не от первого лица, либо от первого лица, но не в настоящем времени [4, с. 87–95], ср.: (6) „ – Он заметил, что милиции очень много, больше, чем обычно, но тут же успокоил себя: узнать его в таком виде невозможно, даже если у каждого милиционера есть его фотография. Да и не в его честь их сюда согнали – Москва **боится** террористов из Чечни, а аэропорт для них – самое подходящее место” (Д); (7) „ – Значит, все-таки **боитесь**, – сочувственно покачала головой Зотова. – И правильно делаете, – добавила она чуть слышно и открыла входную дверь. – До свидания, Константин Сергеевич. Спасибо, что зашли. Очень была вам рада <...>” (Д); (8) „ – Елена Николаевна, почему вы вчера вернулись так поздно? – спросил Кротов и тут же почувствовал, что краснеет. „Ты совсем сбрендил, – подумал он, – тебе надо делом заниматься, а ты ее уже ревнуешь, **боишься**, что она сейчас скажет: я провела вечер с близким человеком...” (Д) В примерах (6) и (7) говорящий передает эмоции другого человека. Чувство *страха* относится к жителям города, используется метонимия: *Москва боится*, т.е. ее жители боятся. В следующем фрагменте эмоции выражает собеседник того, кто испытывает страх (*боитесь*). В последнем примере употреблена форма второго лица единственного числа настоящего времени (*боишься*), которая касается психического состояния говорящего – тот в мыслях обращается к самому себе, выражает собственные эмоции.

В 16 примерах зафиксировано формы прошедшего времени глагола *бояться*, описывающие эмоции героев: (9) „С бабами у Олега всегда было сложно. Его тянуло к молоденьким, сочненьким, свеженьким. Потасканные шлюхи из „Амулета” ему не годились. Брезговал он ими, к тому же подцепить **боялся** дрянь какую-нибудь „(Д); (10) „Я выходила и кормила грудью, а молока было мало, и я нервничала, **боялась**, что совсем его потеряю” (У). В первом из приведенных фрагментов (9) говорится о страхе Олега, для чего использована форма третьего лица единственного числа. Порядок слов в предложении, передающем чувства (дополнение *подцепить ... дрянь* = боялся заразиться, указывающее на *страх*, занимает препозицию по отношению к сказуемому (*боялся*), что меняет смысловые отношения внутри предложения и повышает экспрессивность высказывания. В примере (10) субъект речи сам описывает свои чувства: *боялась*(я).

В одном случае употребляется форма прошедшего времени глагола *побояться* („1. Испытывая некоторую боязнь, страх, опасение, не сделать что-л.”) (БТС). Эта лексема относится к действию, которое субъект не предпринял из-за боязни: (11) „Лекарств никаких не назначила. **Побоялась**” (Д). Субъект не решается назначить лекарства, что повышает его коммуникативную значимость и придает высказыванию экспрессивность.

В нашем материале на втором месте по частоте употребления (29 примеров) – лексема „*пугаться* (1. Испытывать страх, испуг; бояться)” (БТС). В трех предложениях использован глагол несовершенного вида: (12) „Потом как будто стало прорезаться какое-то подобие шевелящегося свечного пламени. Оно было таким слабым и зыбким, что Василиса **пугалась**, не прелесть ли это ее воображения” (У); (13) „Ночевать ее поместили вместе с другой девушкой, не совсем господского вида, но и не простой, и указали постель с таким белым бельем, что она боялась испачкать собой подушку... Роскоши этой Василиса не радовалась, а **пугалась**” (У); (14) „А этим, играющим, жилось прекрасно. По своему легкомыслию, они не боялись повседневно, а скорее минутами **пугались**” (У). В приведенных фрагментах для описания чувства страха употребляется форма прошедшего времени. В примере (14) отмечается „временность и цикличность” возникновения психического состояния субъекта: *минутами пугались*.

Лексема *пугаться* обычно называет состояние субъекта, у которого чувство страха возникло внезапно, поэтому в подобных ситуациях у испытывающего страх обычно нет времени, чтобы осознать свои чувства и выразить словами в момент их переживания (скорее всего, здесь могут появиться междометия, например: *А!, Ох!, Боже!, Господи!* и т.д.).

Часто используются формы совершенного вида – *испугаться* (26 примеров). Субъект речи очень редко сам говорит о своих эмоциях: (15) „Пишу постоянно себе записки – не забыть то, не забыть это. Записки теряю, а тут недавно нашла и просто **испугалась** – моей рукой написано, но, боже, какая орфография! То буква пропущена, то слоги переставлены” (У); (16) „ – Совсем офигел? Она ж нас не видела никогда! А через другой выход ей все равно придется мимо стоянки топтать. Ржавый уже все здесь обошел. А рванула не

она, а пацан. Я его тоже узнал. Он в „Волге” сидел. Увидел тебя, **испугался**, что ты ему иск предъявишь” (Д). Глагол *испугаться* называет эмоцию, которая появилась неожиданно и быстро. Определяется причина и следствие чувства испуга: *нашла и просто испугалась; Увидел тебя, испугался.*

Об отрицательной эмоции страха других лиц свидетельствуют такие примеры: (17) „ – Одевайся и уходи, – попросил он ее, когда она села рядом с ним на кровати. Она покачала головой: – Чего ты **испугался**? Все в порядке. Никуда я не уйду от тебя. – Там в тебе ребенок, я же могу ему нарушить что-нибудь. Тебе вообще-то трахаться можно в таком положении?” (У); (18) „Елену нашла все в прежнем состоянии, но очень бледной и вялой, и даже попыталась уговорить ее выйти на улицу, погулять. Елена этого предложения так **испугалась**, что начавшийся было связный разговор сразу застопорился, и она залепетала жалкие нескладные слова: – Если вас не затруднит... Нельзя ли мне туда... Надо спросить у ПА. Не правда ли?” (У).

Во фрагменте (17) состояние субъекта называется его собеседником, который задает ему вопрос (*Чего ты испугался?*), а в дальнейшем успокаивая, что такое состояние ничем не обосновано. В примере (18) появляется местоименное наречие *так*, указывающее на сильную степень проявления испуга, подчеркивающее эту эмоцию.

Глагол *ужасаться* („1. Прийти в ужас, очень испугаться”) (БТС) (11 примеров из романа Л. Улицкой) называет состояние человека, который испытывает чувство сильнейшего страха. В большинстве случаев выражается формой прошедшего времени глагола совершенного вида, реже несовершенного: (19) „Неуклюжие попытки Павла Алексеевича восстановить супружеские отношения успехом не увенчались. В особенности последняя, когда он, в один из своих запойных периодов, среди ночи вошел в спальню, где Леночка смотрела свои одинокие и поучительные сны, и, не замечая ни ее протеста, ни отвращения, совершил безрадостное насилие и только утром, опомнившись, **ужаснулся** ночному происшествию” (У); (20) „Сколько же всего я забыла”, – **ужаснулась** она и села на унитаз (У); (21) „Василиса **ужасалась**, охала, молилась. С улицы, из магазинных очередей приносила интереснейшие истории о врачах, заражающих больных трупной кровью, ослепляющих новорожденных младенцев и прививающих рак лопухим пациентам русского происхождения. Появилось огромное количество очевидцев и жертв. Люди отказывались лечиться у еврейских врачей, начался массовый психоз страха отравления и порчи...” (У). В приведенных примерах описывается страх третьего лица, причем во фрагменте (20) повествователь комментирует мысли героини, определяя ее внутреннее состояние. В последнем отрывке используется форма несовершенного вида глагола *ужаснуться*. Она встречается крайне редко, так как наивысшая степень страха, как правило, явление кратковременное.

Эмоцию сильного, непреодолимого, неудержимого страха в русском языке обозначает глагол *„паниковать”* („разг. = паникерствовать – разг. впадать в панику, вести себя как паникер”) (БТС). Мы отметим всего два случая его употребления в детективе П. Дашковой: (22) „ – Получается, мы будем

ловить Вейса на Лену, как на живца, – сказал Кротов, взглянув в глаза своему начальнику. – У тебя есть другие варианты? – усмехнулся Казаков, закуривая свою высушенную на батарее „явину”, десятую по счету за сегодняшний вечер. – Ну что ты **паникуешь?**” (Д); (23) „Оба тупо и тяжело уставились на Лену. Света напряглась. Вот пальнут прямо сейчас – и она ничего не сделает. Начнется суматоха, в которой они запросто успеют смыться. Но, с другой стороны, это все-таки аэропорт, полно полиции. Вряд ли они... И тут рука одного из „братков” скользнула под куртку. В ту же секунду Света подскочила к бандиту почти вплотную, положила ладонь на рукав его куртки <...>. Каменная рука вынырнула наконец, и в ней оказалась всего лишь пачка „Кэмела”. „Напрасно я **запаниковала**, – подумала Света, прикуривая, – не собирались они сейчас стрелять. Лбы, конечно, тупые, но не до такой же степени” (Д). В примере (22) описываются эмоции третьего лица. Чувство *страха*, которое испытывает герой, называется его собеседником – *ты паникуешь*. В последнем фрагменте субъект речи говорит о своих эмоциях, в форме прошедшего времени: „*Напрасно я запаниковала*”. Каузатор указывается в более широком контексте, в предыдущем тексте, где описывает поведение собеседника: Света очень *боялась* выстрела из пистолета.

Страх может называться лексемой „*опасаться* („1. кого-чего, за кого (что). Испытывать чувство страха, бояться; 2. за кого-что, чего, с инф. Испытывать опасение, беспокойство по поводу чего-л.”) (БТС), 2 примера: (24) „А нет трупа – нет убийства. Эта истина известна даже школьнику. Могильщики молчали, никогда никого не закладывали, ибо **опасались** сами стать „начинкой”, к тому же дорожили легким нехлопотным заработком” (Д); (25) „Хотя некоторая доля искательности в ее манерах всегда присутствовала, это совершенно искупалось тем, что Павла Алексеевича она боготворила, Танечкой искренне восхищалась и только Елену Георгиевну в глубине души неизвестно почему **опасалась**” (У). В примере (24) каузатор назван инфинитивом и частью сложносочиненного предложения без союза: *опасались сами стать „начинкой”, к тому же дорожили легким нехлопотным заработком*. Сочетание лексемы *опасаться* с инфинитивом свидетельствует о том, что герои испытывают чувство беспокойства. Во фрагменте (25) психическое состояние субъекта (эмоция страха) выражено именем существительным в форме винительного падежа: „*Елену Георгиевну в глубине души неизвестно почему опасалась*”. Отметим, что сочетание возвратных глаголов с беспредложным винительным вместо родительного падежа допустимо лишь по отношению к одушевленным существительным и имеет разговорный характер [16, с. 257]. Причиной использования такой формы может быть желание верно передать внутреннее состояние героини.

Формы выражения каузатора страха определяются: 1. родительным падежом имени существительного: (26) „Накануне выписки доктор приехал в Еленину квартиру на казенной машине, с шофером. Хозяйка **испугалась** подъехавшей *машины* и спряталась в чулан” (У); (27) „– Я вот о чем хотела вас попросить, Валечка, – как бы отвечая на вопрос, сказала Зотова, – пожалуйста, поставьте эту капельницу больной Глушко из пятнадцатой палаты. Она после

выкидыша, состояние у нее неважное, я **боюсь осложнений**” (Д). 2. дательным падежом имени существительного: (28) „Неуклюжие попытки Павла Алексеевича восстановить супружеские отношения успехом не увенчались. В особенности последняя, когда он, в один из своих запойных периодов, среди ночи вошел в спальню, где Леночка смотрела свои одинокие и поучительные сны, и, не замечая ни ее протеста, ни отвращения, совершил безрадостное насилие и только утром, опомнившись, **ужаснулся** ночному *происшествию*” (У); 3. инфинитивом: (29) „Лене хотелось спать. Она то и дело проваливалась в тяжелое забытие, но только на несколько мгновений: **боялась заснуть** и *упасть* на склизкий пол” (Д); (30) „С бабами у Олега всегда было сложно. Его тянуло к молоденьким, сочненьким, свеженьким. Потасканные шлюхи из „Амулета” ему не годились. Брезговал он ими, к тому же *подцепить боялся* дрянь какую-нибудь” (Д). В примере (29) каузатор находится в постпозиции, а в примере (30) в препозиции по отношению к эмотивному предикату.

В отдельных случаях каузатор выступает в форме предикативной единицы – придаточного предложения с союзом или без союза: (31) „Вспомнила, как холодно было в поезде, когда она возвращалась в Москву с новорожденной дочкой. **Испугалась, что простудит девочку...**” (У); (32) „Я выходила и кормила грудью, а молока было мало, и я нервничала, **боялась, что совсем его потеряю**” (У). Причина психического состояния субъекта обычно указывается в постпозиции по отношению к глагольному предикату, но может также появляться в широком контексте, ср.: (33) „ – *Монастыри все закроют, – шепнул владыка, благословляя игуменью на пороге. Матушка ужаснулась, не совсем поверила, но, вернувшись, стала сокращать хозяйство, готовить монастырь к неопределенным и, разумеется, нерадостным переменам, которых теперь ожидала <...>*” (У); (34) „ – <...> Ух, что было! Папашка озверел, даже хотел меня в армию сдать. Но вовремя очухался, отмазал. *Просто испугался – вдруг в Чечню пошлют?*” (У); (35) „Василиса **ужасалась**, охала, молилась. С улицы, из магазинных очередей приносила интереснейшие истории о врачах, заражающих больных трупной кровью, ослепляющих новорожденных младенцев и прививающих рак лопухим пациентам русского происхождения” (У). В собранном нами материале каузатор связан с: другими лицами (дед, террористы); с поведением других лиц (отсутствие реакции на слова); с конкретным материальным объектом (подъехавшая машина); с определенным состоянием или ситуацией (странная болезнь матери, угроза жизни). Глагольные предложения со значением страха по синтаксической структуре относятся к простым двусоставным нераспространенным предложениям (8%), распространенным (2%), односоставным с глаголом в личной форме и имплицитным субъектом эмоционального состояния (8%): (36) „ – Это она вам сказала поставить мне капельницу? – спросила Лида, когда они вернулись в палату. Валя кивнула. – Очень вас прошу, не надо. **Я боюсь**. Я не верю ей. Она сказала, что там?” (Д); (37) „*Деда моего все боялись, и мама, и бабушка*” (У); (38) „ – Открой глаза, – попросила Таня. – **Боюсь**, – улыбнулся он, но глаза открыл (У); (39) „ – У меня мамка помирает. Домой **боюсь** идти...” (У). Последний тип предложений по значению почти тождественен двусоставным

предложениям, включающим подлежащее *Я*. В определенно-личных предложениях отсутствие словесно выраженного подлежащего не создает неполноты предложения, так как носитель состояния указан личной формой глагола [14, с. 510–512; 5, с. 326–332]. Их особенностью является то, что они выдвигают на первый план состояние, сосредоточивая внимание на нем, они типичны для разговорного стиля [ср.: 11, с. 207].

Глагольные предложения со значением страха представляют собой минимальную предикативную единицу. Данная глагольная модель входит в структуру более сложных синтаксических единиц – сложносочиненных и сложноподчиненных предложений: (40) „*Таня ужаснулась – болезнь матери была какая-то особая, ни на что не похожая, и привыкнуть к этому было невозможно*” (У); (41) „Надо его спросить...” – и запнулся. *Он вдруг испугался, что это не сон*” (У). Смысловое содержание приведенных предложений состоит из содержания, заключенного в его предикативных частях, и дополнительного смысла, возникшего в результате взаимодействия его предикативных частей. В обоих случаях предложения со значением страха несут информацию о каузаторе этого эмоционального состояния субъекта. Количественные параметры лексем, называющих эмоцию страха, представлены нами в нижеследующей таблице.

Лексические средства выражения эмоции <i>страх</i>	Количество Л. Улицкая „Казус Кукоцкого”	Количество П. Дашкова „Кровь нерожденных”
1. бояться	19	18
побояться	1	0
2. ужасаться	1	0
ужаснуться	10	0
3. испугаться	11	15
пугаться	3	0
4. опасаться	1	1
5. паниковать	0	1
запаниковать	0	1
Итого:	46	36

В обоих анализируемых произведениях глагол *бояться* встречается почти в одинаковом количестве. При употреблении лексемы с корнем *пуг-* также нет больших расхождений. Существенное различие имеет место в использовании глагола с корнем *ужас-*: в тексте серьезной художественной литературы он встречается одиннадцать раз. В детективе крайнее беспокойство, волнение сигнализирует глагол *паниковать*, которого нет в романе Улицкой.

Выводы. 1. В исследуемом нами материале чувство *страха* чаще всего называется глаголом *бояться*, редко – *опасаться* и *паниковать*. 2. Формы глаголов совершенного вида встречаются для передачи кратковременного

чувства *испуга* и *ужаса*. 3. Экспрессивность текста усиливается с помощью порядка слов в предложении, парцелляции и использованием интенсифицирующих определителей. 4. Характерны глаголы прошедшего времени, описывающие чувства героев. Форма первого лица единственного числа настоящего времени (*бояться*), непосредственно выражающая эмоции субъекта, появляется спорадически (13%).

Список использованных источников и литературы

1. Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Школа „Языки славянской культуры”, 2003. 1306 с.
2. Вержбицкая А. Речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1985. Вып. 16. С. 251–275.
3. Волостных И. А. Эмоциональные концепты „страх” и „печаль” в русской и французской языковых картинах мира (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-92325.html/> [доступ: 10.01.2018].
4. Гак В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // *Вестник Московского университета*. Филология, 1997. Серия 9. № 2. С. 87–95.
5. Диброва Е. И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. заведений. Ч. 2. Морфология. Синтаксис. М., 2001. С. 326–332.
6. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.
7. Изард К. Э. Психология эмоций. Санкт-Петербург: Питер, 1999. 464 с.
8. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. 2-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2013. 752 с.
9. Красавский Н. А. Этимологическая характеристика членов синонимического ряда „страх” // *Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ Грани познания*. Декабрь 2011. № 4(14). URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1325228786.pdf/> [доступ: 10.01.2018].
10. Кучерская Н. Роман меня напишет (встреча с Л. Улицкой) // *Российская газета*. 2005. 6 апреля (№ 69). С. 1, 13.
11. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке. Понятийный словарь-справочник. Воронеж : Изд-во гос. ун-та, 2004. 400 с.
12. Перовская Т. И. Толкование эмоции „страх” в отечественной лексикографии // *В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по мат. XLI межд. науч.-практ. конф.* Новосибирск: СибАК, 2014. № 10(41). URL: <https://sibac.info/conf/philolog/xli/39477/> [доступ: 28.02.2018].
13. Розенталь Д. Э. Современный русский язык. М.: Высш. шк., 1984. 735 с.
14. Розенталь Д. Э. Универсальный справочник по русскому языку. Орфография. Пунктуация. Практическая стилистика. М.: Изд-во „Мир и Образование”, 2013. 704 с.

15. Феоктистова А. Б. Когнитивные аспекты семантики идиом, обозначающих чувства-состояния: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
16. Ярцева В. Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
17. Borek M. O strukturze rosyjskich i polskich metafor wyrażających strach // *Gramatyka a tekst*. Red. H. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. Katowice : Oficyna Wydawnicza WW, 2011. T. III. С. 148–176.
18. Searle J. R. *Speech acts: an essay in the philosophy of language*. Cambridge university press 1969, 203 p.
19. Wołoszyn J. Co znaczy straszyć? Próba analizy semantycznej // *Prace Językoznawcze*. № 18/4, Olsztyn, 2016. S. 173–185.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2008.
- Д – Дашкова П. *Кровь нерожденных*. М.: АСТ, Астрель, 2015.
- У – Улицкая Л. *Казус Кукоцкого*. М.: Эксмо, 2009.

References

1. Apresjan Ju. D. *Novyj objasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka*. М.: Shkola „Jazyki slavjanskoj kul'tury”, 2003. 1306 p.
2. Verzhbickaja A. *Rechevye akty // Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. М., 1985. Вып. 16. pp. 251–275.
3. Volostnyh I. A. *Jemocional'nye koncepty „strah” i „pechal” v russkoj i francuzskoj jazykovyh kartinah mira (lingvokul'turologičeskij aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Krasnodar, 2007. URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-92325.html/> [dostup: 10.01.2018].
4. Gak V. G. *Jemocii i ocenki v strukture vyskazyvanija i teksta // Vestnik Moskovskogo universiteta. Filologija*, 1997. Serija 9. № 2. pp. 87–95.
5. Dibrova E. I. *Sovremennyj russkij jazyk. Teorija. Analiz jazykovyh edinic: uchebnik dlja stud. vyssh. ucheb, zavedenij. Ch. 2. Morfologija. Sintaksis*. М., 2001. pp. 326–332.
6. Zolotova G. A. *Sintaksičeskij slovar'. Repertuar jelementarnyh edinic russkogo sintaksisa*. М.: Nauka, 1988. 440 p.
7. Izard K. Je. *Psihologija jemocij*. Sankt-Peterburg: Piter, 1999. 464 p.
8. Il'in E. P. *Jemocii i čuvstva*. 2-e izd. Sankt-Peterburg: Piter, 2013. 752 p.
9. Krasavskij N. A. *Jetimologičeskaja harakteristika chlenov sinonimičeskogo rjada „strah” // Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj žurnal VGPU Grani poznanija*. Dekabr' 2011, № 4(14). URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1325228786.pdf/> [dostup: 10.01.2018].
10. Kucherskaja N. *Roman menja napishet (vstreča s L. Ulickoj) // Rossijskaja gazeta*. 2005. 6 aprelja (№ 69), pp. 1, 13.
11. Lomov A. M. *Russkij sintaksis v alfavitnom porjadke. Ponjatijnyj slovar'-spravochnik*. Voronezh : Izd. gosudarstvennogo universiteta, 2004. 400 p.
12. Perovskaja T. I. *Tolkovanie jemocij „strah” v otečestvennoj leksikografii // V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedenija i kul'turologii: sb. st.*

po mater. XLI mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Novosibirsk: SibAK, 2014, № 10(41). URL: <https://sibac.info/conf/philolog/xli/39477/> [dostup: 28.02.2018].

13. Rozental' D. Je. *Sovremennyj russkij jazyk*. M.: Vyssh. shk., 1984. 735 p.

14. Rozental' D. Je. *Universal'nyj spravocnik po russkomu jazyku. Orfografija. Puntuacija. Praktičeskaja stilistika*. M.: Izd-vo „Mir i Obrazovanie”, 2013. 704 p.

15. Feoktistova A. B. *Kognitivnye aspekty semantiki idiom, oboznachajushhich čuvstva-sostojanija: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. M., 1996.

16. Jarceva V. N. *Bol'shoj jenciklopedičeskij slovar'*. Jazykoznanie. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998. 685 p.

17. Borek M. *O strukturze rosyjskich i polskich metafor wyrażających strach // Gramatyka a tekst*. Red. H. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. Katowice : Oficyna Wydawnicza WW, 2011. T. III. pp. 148–176.

18. Searle J. R. *Speech acts: an essay in the philosophy of language*. Cambridge university press 1969, 203 p.

19. Wołoszyn J. *Co znaczy straszyć? Próba analizy semantycznej // Prace Językoznawcze*. № 18/4, Olsztyn, 2016. S. 173–185.

BTS – *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. S. A. Kuznecov (red.). Sankt-Peterburg, 2008.

D – Dashkova P. *Krov' nerozhdennyh*. M.: AST, Astrel', 2015.

U – Ulickaja L. *Kazus Kukockogo*. M.: Jeksmo, 2009.

M. Kiper

ДІЄСЛІВНІ ПОКАЗНИКИ СТРАХУ В РОСІЙСЬКІЙ МОВІ (НА МАТЕРІАЛІ ХУДОЖНЬОЇ ЛІТЕРАТУРИ)

У статті здійснюється аналіз речень, що описують і виражають емоцію страху російською мовою. Розглядається дієслівна модель речень з лексемами: *боятся, опасаться, паниковать, пугаться, ужасаться*. Матеріал відібраний з російської художньої літератури: порівнюються мовні конструкції, уживані в романі Л. Уліцької „Казус Кукоцького” і в творі популярної масової літератури (П. Дашкова „Кров ненароджених”).

Ключові слова: художня література, емоції, страх, дієслово, російська мова.

M. Kiper,

Postgraduate Student

Department of Russian Philology, University of Rzeszów,

Al. W. Kopisto 2 b, 35-315, Rzeszów, Poland,

tel.: (+48) 723-329-009,

milenakiper@wp.pl

VERBAL INDICATORS OF FEAR IN THE RUSSIAN LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF ARTISTIC LITERATURE)

The article analyses the proposals that describe and express the emotion of fear in Russian language. The verbal model of sentences with lexemes is considered: to be afraid, to be afraid, to panic, to be frightened, to be horrified. The material is selected from Russian fiction. We compare the language constructions that are used in the work of serious fiction (L. Ulitskaya *Kazus Kukotsky*) and in the popular popular literature (P. Dashkova *Blood of the Unborn*).

Key words: artistic literature, emotions, fear, verbal, Russian language.

Надійшла до редакції 16.05.2018 р.

УДК 811.161.2:81'373.611

DOI: <https://doi.org/10.18524/2413-0613.2018.22.145397>

Н. М. Хрустик,

кандидат філологічних наук,

доцент кафедри української мови філологічного факультету

Одеського національного університету імені І. І. Мечникова,

Французький бульвар 24 / 26, м. Одеса, 65058, Україна,

тел.: 0993194217,

kafukrmovaonu@ukr.net

АКТИВНІ ПРОЦЕСИ СЛОВОТВОРЕННЯ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ: ДИНАМІКА СЛОВОТВІРНОГО ГНІЗДА З ПРЕФІКСОЇДОМ ВЕЛО-

Стаття присвячена дослідженню активних процесів словотворення в сучасній українській мові. На матеріалі лексикографічних праць розглядається з'ява та динаміка розвитку словотвірного гнізда з префіксоїдом *VELO-*. Приблизно за 150 років функціонування в українській мові досліджуваного словотвірного гнізда у словниках відбито 33 його лексеми. У статті фіксуються також та аналізуються деривати цього словотвірного гнізда, які з'явилися за останні два роки в ЗМІ. З'ясовано, що за цей короткий період часу словотвірне гніздо з вершиною *VELO-* поповнилося лексемами втричі. Визначаються й обґрунтовуються причини активного творення його дериватів. Робиться висновок, що висока динаміка розвитку словотвірного гнізда з префіксоїдом *VELO-* є результатом взаємодії мови, зокрема її словотвірної системи, з особливостями розвитку і потребами українського суспільства на сучасному етапі. Лексеми, утворені префіксоїдами, поруч зі складними словами (юкстапозитами, композитами) завдяки особливостям своєї семантико-словотвірної структури здатні оперативної й максимально адекватно номінувати всі ті нові явища і процеси, які з'являються.